



## Глава 1,

*где некий господин прибывает на Дикий Запад,  
дабы решить одну крайне щекотливую проблему*

Клиент мне сразу не понравился. Бывает такое: только глянешь на человека и всем нутром понимаешь — ничего, кроме неприятностей, ждать от него не стоит. А главное, и сам он об этом знает, а потому поглядывает свысока, снисходительно этак, понимая, что деваться нам некуда.

Ничего не попишешь, дела в конторе идут не сказать чтобы хорошо.

Честно говоря, хорошо-то они не шли никогда, но это не мешало Эдди надеяться, что однажды случится чудо и про нас узнают. Нет, местные-то знали. Да и как не узнать, когда городок наш столь мал, что знают тут все и про всех, а уж про «Контору частного сыска и решения проблем» и подавно.

Название придумал Эдди.

И все прочее тоже.

Он же, облачившись в приличный сюртук, ныне хмуро разглядывал гостя. Первого, почитай, за месяц. А посетитель паялся на Эдди. Оно и понятно, братец мой единокровный в сюртуке смотрится весьма представительно. Еще и морда, битая Биллом Клином, которого братец давеча все-таки взял, уже отошла. Почти. Левый глаз так и вовсе уже приоткрылся, а что до синевы вокруг, так она, как матушка изволит выражаться в хорошие дни, весьма даже *гармонировала* с цветом сюртука.

— С чем пожаловали? — хмуро поинтересовался Эдди и сплюнул.

В плевательницу.

Медную.

Ее он, помнится, в том году принял в зачет одного долга, ибо больше брать с Макфи оказалось нечего. Вещь большая, солидная и на людей незнакомых впечатление производит изрядное.

Клиент — потенциальный клиент — вздрогнул.

А кто бы не вздрогнул? Билли, чтоб ему веревка занозистая попалась, братца моего отделал славно. И зуб выбил. Эдди его уже выбивали, ясное дело, так что отрастет, куда он денется, да только пока вид... внушающий.

Да.

В общем, встрепенулся наш клиент и на меня посмотрел.

А я что? Я улыбнулась. Матушка еще рассказывала, что если улыбаться людям, то они будут добрее. Может, конечно, где-то там на Востоке так оно и есть, что одной улыбки хватает, а тут, на Западе, с револьвером всяко надежнее.

Я и положила руку на свой колыт.

На всякий случай.

А то ведь человек в городе явно новый. У таких всякая придури в голове случается, некоторые вон и ухаживать пытаются. Один даже в окно полез как-то. С цветами. Потом на суде стонал, что с исключительно добрыми намерениями лез — замуж хотел позвать! А стало быть, зря Эдди ему эти цветы в одно место засунул...

Но то история старая, ей лет десять уже.

После нее-то братец и перестал ругаться, что я сплю с револьвером под подушкой. Даже новый подарил. Под вторую подушку. А что? Места у нас дикие.

— Добрый день. — Гость стянул с головы котелок и поклонился.

Я кивнула.

Эдди снова сплюнул и языком дыру потрогал. Поморщился. Видать, зуб выбит не до конца и предстоит, как говаривает матушка, *визит* к добрейшему мастеру Брину, который у нас в городе за брадобрея-цирюльника, да еще зубы дергает.

За это его и недолюбливают.

А может, за удивительно поганый характер.

— Верно ли я понял, что вы — мистер Элайя? — спросил гость и снова на брата уставился. Плядит и не мигает. И братец тоже. Правда, ему не мигать сложнее, глаз-то, пусть и открылся, все одно слезится.

Эдди кивнул.

— Мне вас настоятельно рекомендовали как... человека... — Тут уж посетитель запнулся, ибо человек Эдди едва ли на четверть. Но ничего, брат мой на то внимания не обратил, кивнул подбадривающе даже. И этот, в сизом костюмчике, явно на заказ шитом, причем не криворуким Ключеном-младшим, продолжил: — Как человека, способного решить любую проблему, даже весьма щекотливую.

— Ага, — довольно оскалился Эдди.

Теперь уже во весь рот.

Я взглянула на него с укоризной: матушка, помнится, крепко ему пеняла за эту вот улыбку, от которой и клыки видны с палец длиной, и резцы подточенные, и прочие зубы. Учила она его, учила, да все без толку.

— Что ж, в таком случае... — Гость вздохнул и огляделся. — Где мы можем побеседовать?

— Да хоть где! — Эдди гостеприимно обвел рукой нашу конуру, которую гордо именует конторой. Прежде-то тут салон был, который матушка держала, когда еще надеялась, что однажды в нашем захолустье кому-то, кроме шлюх Веселой Бетти, станет интересна высокая мода. От той поры остались кружевные занавески, салфетка с вышитыми колокольчиками и ваза на ней. Некогда в вазе стояли цветы, и матушка каждую неделю букет меняла, но...

В общем, не сложилось с высокой модой.

— Гм... действительно... — Клиент вновь покосился на меня, но осторожно. То ли револьвер мой любопытство сдерживал, то ли хмурый взгляд Эдди.

Тот и руки сцепил.

Насупился.

И вид... В общем, экстерьером, как любит говорить моя матушка, Эдди во многом пошел в деда, который был не абы кто, а орочий шаман. Вот и достались от него Эдди что тяжелая челюсть, что покатый лоб немалой твердости — в прошлом году один умник этим самым лбом стену пробил. Нечаянно. Надеялся Эдди вырубить и уйти. А стена возьми и...

— Сестра моя, — мрачно представил меня Эдди, и в голосе его я услышала предупреждение. Впрочем, не только я. Заезжий господин опять вздрогнул. Рост Эдди достался уже от бабушки, той, которая по материнской линии, а невысоких ахайя не бывает. — Милли.

Вообще-то, Милисента.

И даже Милисента Георгина Августа Фредерика Иоланта Годдард. За каким чертом одному человеку такая куча имен, матушка мне честно пробовала объяснять.

Про честь родовую.

Предков.

Про славу... В общем, я слушала. Пыталась. К чему матушку огорчать? Ей вон и Эдди хватает, которого папаша однажды в дом привел и сказал: вот, мол, сын мой и наследник, стало быть, воспитывай. К тому времени у матушки, думаю, уже не осталось иллюзий о счастливой совместной жизни, а потому она лишь кивнула и принялась за дело. Понятно, воспитать мальчишку, который первый десяток лет жизни своей провел в орочем племени, задача непростая. Но матушка справилась.

Почти.

— Позвольте представиться. — Гость снова поклонился, как-то затейливо отклячив ногу, отчего сразу стало понятно: воспитанный засранец. — Чарльз Диксон.

— Чарли, стало быть, — кивнул Эдди, буравя этого Диксона недобрый взглядом. Ноздри его широкого носа раздулись, втягивая запах.

А пахло от гостя...

Хорошо пахло. Не навозом, потом и прочим, чем тут пахнет по обыкновению, и даже не цветочками, как от шлюшек Бетти, а... в общем, хорошо.

— Чарльз, если позволите. — Гость положил руки на спинку стула. — Третий граф Невелльский...

Если он думал, что мы тут же восхитимся, то это зря.

Мы с Эдди переглянулись, и братец пожал плечами. Мол, случается с людьми и такое. А что, в нашем захолустье кого только не встретишь. Так что графом больше, графом меньше.

— И чего надо? — спросил Эдди, вовсе теряя терпение.

Это уже у него от огненных дэвов, с которыми спутался кто-то из совсем уж дальних предков, и Эдди напрочь отрицает этакое родство, но я матушке, с ее способностями кровь разглядеть, верю. И то правда, раздражается братец легко.

Порой и вовсе впадает в ярость.

Правда, сам он утверждает, что ярость эта — от бабки, которая происходит из прибрежников, а те славятся неукротимостью в бою... Ну, сложная у него родословная, что уж тут.

— Надо вот что... — Граф присел на стул, осторожно так, будто ожидал от этого стула какой-нибудь пакости. К слову, не зря. Помнится, на той неделе этим самым стулом Эдди оглушил Кривого Пью, решившего, что раз он знает, с какой стороны за ружье братья, то теперь он в городе самый главный. Стул от того развалился, а чинил его Эдди сам.

Из экономии.

У моего брата множество талантов, это все признают, но вот мастер из него... Краснодеревщиков в нашем роду, похоже, не было.

— Я хочу, чтобы вы помогли мне отыскать мою сестру. — Это графчик произнес спокойно и ровно, пристально глядя на Эдди, который вдруг от взгляда этого смутился.

Вот честно!

Может, кто посторонний бы и не заметил, но я-то не чужая, я все вижу...

— И готов за это заплатить.

Я убрала револьвер со стола и даже ноги сняла, вспомнив, что коль человек платить готов, то надо с ним пообходительней. Клиенты на дороге не валяются.

Даже странные.

Такие как этот.

На стол упал кошель. Тяжеленный, видать заранее подготовленный, чтобы Эдди впечатлить. Так-то мы не совсем дикие, нормальные люди кошель с собой не таскают. Чревато это. Куда безопаснее с чековой книжкой гулять. Но Эдди на кошель уставился.

Я тут же вспомнила, что зима не так и далека, а угля в яме едва ли на треть осталось. Да и стены неплохо бы подконопатить. Стекло в гостиной треснуло, крыша опять подтекает. Не говоря уже о том, что обои совсем выцвели, а матушка молча перешивает очередное свое платье, надеясь, что, перешитое, оно соседям покажется новым. Соседям-то, честно говоря, на платья плевать, особенно Доусону, что стал заезжать слишком уж часто, чтобы это не выглядело подозрительным, но матушке же не скажешь.

Эдди тоже.

Он Доусону сперва зубы выбьет, а потом и душу вытряхнет. А по мне так ничего, пусть ездит. У Доусона плантации изрядные, и дом хороший, и сам он мужчина видный. Блядишь, и сложится у них.

— Сестру? — уточнил Эдди.

— Сестру. — Рядом с кошельем лег фотографический снимок. Я вытянула шею, силясь разглядеть девицу, которая на нем. Уж больно интересно вдруг стало. Только не вышло.

Ну да ладно.

Эдди потом покажет.

— К сожалению, юные девушки порой... увлекаются неподходящими личностями, — произнес графчик чрезвычайно печально.

— Ага, — сказал Эдди, пошевелив пальцами, отчего гость вздрогнул в третий раз.

Но зря. Он тут ни при чем, это брату другое вспомнилось. И вовсе Милфорд не был неподходящим, если хотите знать! Ну да, обычный бандит, у которого за душой конь да револьвер. Но у многих и того нет.

В степь ходил.

Возвращался... да как везло, так и возвращался. Песни еще пел красивые. Про любовь. И цветы однажды принес. Сказал, что я ему нравлюсь. И намерения у него были самые серьезные. До встречи с Эдди.

В общем, не задалось у меня с личной жизнью, да.

— Наш род весьма... состоятелен, — продолжал граф. — И потому моя сестра многим казалась удачной партией. Однако она была помолвлена и осенью предстояла ее свадьба с четвертым маркизом Шеффилдом. Это мой хороший друг.

Сказал он это и помрачнел.

И пальцами по столешнице побарабанил. Выразительно.

— Однако случилось так, что на приеме Августа встретила некоего... молодого человека, которым вдруг увлеклась. Причем об этом увлечении не знали ни я, ни наша мать. А потому побег ее стал совершенной неожиданностью.

Эдди уставился на меня.

А я что? Этакая дурь мне в голову точно не придет. Куда бежать? Да и... от Эдди не убежишь. Поэтому я сделала вид, что совсем даже ничего не поняла.

И вообще сию вот.

Паутиной люблюсь.

— Она оставила письмо, в котором призналась, что никогда не любила Ричарда. Вернее, ошибочно приняла симпатию за любовь и лишь с неким Н. познала всю глубину этого чувства.

В руках Эдди хрустнул карандаш.

Есть у него привычка крутить что-нибудь в пальцах, вот и...

— Она просила ее не искать. Сообщала, что они заключат брак, а потом уедут туда, где ее прошлое не станет помехой.

Карандаш полетел на пол.

Я вздохнула.

Вот оно как у людей-то. И не скажешь, что дура, — жалко девчонку. Не оттого ли, что со мной такого не приключится? Любовь любовью, в нее-то я не больно верю, но безумца, который рискнул бы с Эдди связаться, в округе нет.

— Как вы понимаете, случился скандал. Мне пришлось объясняться с Ричардом, который был весьма огорчен... даже оскорблен.

— Сам дурак, — пробормотал Эдди.

— Простите?

— Если есть невеста, то приглядывать надо.

Тут братец мой засопел, на меня взглядом стрельнул. А я что? Знаю я, что Эдди заглядывал к Молли Шепард, и что даже предложение подумывал сделать, тоже знаю. Ну да, подслушивать разговоры чужие нехорошо, но полезно.

Правда, Молли, будто почуяв приближение эдакого счастья, быстренько выскочила замуж за Роса Кадиша. Ну и дура. Оно, конечно, у Кадишей земли прилично, и деньжата водятся, да не в них счастье.

И запил Эдди после того зря.

Матушка ему так и высказала: мол, человек достойный в любой самой неприятной ситуации лицо сохранить сумеет.

— Это верно, — согласился граф. — Но я полагал, что Августа — девушка разумная. А теперь...

— Не догнали?

— Она... и вправду разумная девушка. — Посетитель печально улыбнулся. — И сумела все обставить так, будто уехала к подруге в гости. Та поверила в большую любовь и согласилась помочь. Две недели Августа якобы гостила у нее. Нам приходили письма. И никто ни о чем не волновался. Но она не вернулась домой в срок. А потом... время было упущено.

Взгляд Эдди стал тяжелым.

А я что? Девица-то огонь, сообразила, как всех обвести вокруг пальца. Понять бы ей еще и другое. Любовь...

Любовь — штука такая, опасная. Уж на что матушка моя отца крепко любила. Я-то, конечно, всей правды не знаю, кто мне скажет, но и не полная идиотка, чтобы взять и поверить в эту самую любовь.

То есть что матушка любила — это да.

Не любила бы, небось, в жизни не стала бы сбегать из дому да со всем семейством ссориться. Но вот отец... Привезти привез, в доме поселил, а после скучно ему стало, да.

Как-то это неправильно.

Графчик меж тем руки сцепил, да так, что кости захрустели. Ишь ты. Переживает.

— Я нашел и жреца, заключившего брак. И свидетелей. Брак законный.

— Уже хорошо, — миролюбиво заметил Эдди. — А то ведь случается всякое.

Я кивнула.

Случается.

Вон у мамы Бетти — если не каждая вторая, то каждая третья девка точно из дома из-за любви большой сбежавшая. Только частенько этой любви хватало лишь до первого постоянного двора, а бывало, что и сам любимый девку в бордель продавал.

Жизнь — штука такая.

Сложная.

— Честно говоря, я ожидал, что Августа вернется домой. Напишет. Позвонит. Телеграмму пришлет на худой конец! Право слово, мы с маменькой, конечно, сердились на нее, но не настолько же! Однако...

— Не написала?

— Нет. И это, признаюсь, меня несколько... насторожило. Мы с Августой довольно близки. И да, возможно, она опасается, что я разозлюсь...

Эдди хмыкнул.

— Однако должна понимать, что прежде всего меня волнует именно ее благополучие.

— А этот... кавалер?

— О нем удалось выяснить немного. Некий Уинстон Грейтон. Моим знакомым он доводится дальним род-

ственником, об устройстве которого они и хлопотали, правда, без особой надежды.

Взгляд Эдди сделался весьма выразителен.

— Да, признаюсь, я тоже не слишком поверил, однако и оснований обвинять этих людей в чем-то у меня не было.

Хрустнул второй карандаш.

Этак он все переломает.

— Бишопы — семейство весьма почтенное, известное, а потому, как понимаете...

— Не на любую шею можно веревку накинуть. — Иногда Эдди проявлял редкостное понимание.

— Именно. — Графчик изобразил на лице кривоватую улыбку. — Мне удалось выяснить, что этот Уинстон приехал в город за неделю до встречи с Августой, а отбыл сразу после свадьбы. Вместе с тем Элайя Бишоп весьма скоро подал претензию на выплату приданого, которое было оговорено моим отцом.

— А вы?

— Часть денег я выплатил, но не все. Имелись юридические основания для отсрочки. Поймите, дело не в деньгах. Я лишь желал убедиться, что с моей сестрой все в порядке. Если она счастлива с этим... Уинстоном, я приму его в семью. Постараюсь, во всяком случае.

Вот тут у меня возникли некоторые сомнения. Уж больно на графской морде выражение кислое было. С таким только новых родственников в семью и принимать.

— Честно говоря, я надеялся, что эта отсрочка позволит как-то связаться или с Августой, или с ее супругом.

— Не вышло?

— Нет.

— И сколько?

— Что?

— Сколько вы им выплатили?

— Двадцать пять тысяч долларов.

Мы с братом переглянулись. В его взгляде мне почудилось сожаление, а я... Что я? У меня тоже приданое

есть. Конь. Пара револьверов. И еще матушкины кружева. Ну и денжат Эдди наскреб бы, сотни две, кабы постарался.

— Это мелочь на самом деле. — Графчик махнул рукой. — Основная часть приданого — более ста тысяч.

— Это, может, там у вас мелочь, — спокойно отозвался Эдди. — А здесь и за пару долларов глотку перережут. Но вы это уже поняли, да?

## Глава 2,

*в которой Чарльз Диксон рассказывает историю  
и получает предложение помощи*

Существо, смотревшее исподлобья на Чарльза, человека менее подготовленного привело бы в ужас, ибо было велико, страшно и, что хуже всего, странно. Его отличала удивительная смесь черт едва ли не всех известных человеку рас.

При всем том следовало признать, что это чудище вызывало куда меньшее раздражение, чем исключительно правильный, идеальный в каждой черте своей Элайя Бишоп.

Стоило о нем вспомнить, как челюсти свело от гнева.  
«...Остальные выплаты».

Судебное разбирательство. Новый скандал, когда маменька еще от старого не отошла. И мягкая улыбка старого паука. Мол, вы же понимаете, Чарли, что дело вовсе не в деньгах, дело исключительно в принципе.

Стервятник.

А этот... этот громила скорее походил на горного льва, тварь здоровенную и невероятно опасную. Но такая Чарльзу и нужна. Если кто и пройдет по Диким Землям, то она.

Он подавил вздох.

И продолжил:

— Я нанял людей, но им удалось выяснить лишь, что чета Уинстонов сперва купила билеты на пароход «Весе-